

твореніи всяческими, сквернословіи же и буесловіи себе обливающе». Указав примеры из нового и ветхого завета, к чему приводили «богомерзкія пированія», Василия говорит: «Такое возмездие обыкновенно бывает тем, кто презирает законы и уставы всех царя и владыки, и такие плоды получают предающиеся всяческому лихоимству, пьянству и плотским нечистотам — цари и князья и неистовые рачители сребролюбия; к этому присоединяется неразумение бога, забвение смерти и мук после смерти, ожидающих нечестивых и грешников; к тому же — безмыслие и безумие, сатанинская гордость, исступление ума и, наконец, самоволие и самоугодие. Они не принимают поучения священническаго, ни советов многоискусных старцев, не слушают угроз боговдохновенных писаний, но ко всему этому остаются глухи, подобно аспидам глухим затыкая себе уши, поработившись сатанинским играм, объядению, пьянству и сладострастию. Поэтому их оставляет бог и владеют ими лукавые духи и бесы. В такое зло повергают себя и таким жестоким мукам подлежат те, кто от безумия своего и бесчувствия ложно облечены моим царским саном. Ты, странник, услышал уже все, что хотел знать от меня, теперь иди радостно своим путем, если только ты можешь радоваться, услышав, что вселенная одержима таким злом». Поскорбев об этом, как подобало, я стал просить ее, говоря: «Не ленись, госпожа моя, молю тебя, еще немного мне объяснить: почему сидишь ты при этом пустом пути, окруженная такими лютыми зверями?». И она опять отвечала мне: «Пустой путь этот, странник, знаменует собою последний окаянный век сей, пустой потому, что не имеет он царей благоверно-мудреных и ревнителей отца моего небесного: все ищут своего, не думают о вышнем, о том, чтобы прославить его праведными деяниями, благотворением и борьбой с тем, кто хочет истребить божественную веру, но стремятся расширить пределы держав своих, друг друга обидят, радуются кровопролитию христианских народов («вѣрныхъ языкъ»), строят наветы друг против друга, как дикие звери, а о церкви христовой, жестоко терзаемой и подвергающейся различным наветам христианоборных измаильтян, нет у них никакой заботы. Разве не справедливо сравнивается треокаянный век сей с пустым путем, и я сама уподобляюсь вдове и, одетая в одежды вдовства, сижу, окруженная дикими зверями, терзаемая ими, как раньше тебе сказала. А что больше всего повергает меня в печаль последнюю, это — то, что не имею я поборников, проникнутых ревностью божией, которые исправляли бы бесчинствующих обручников моих, — поборников, каких я имела в древности. Нет у меня Самуила великого, иерея вышнего, дерзновенно ставшего против Саула, нет Нафана, который мудрою притчей